

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-41-47>

Типы и функции новообразований в романе Е. Замятина «Мы» (к 140-летию со дня рождения)

Наталья Анатольевна Николина

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, admin@riash.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

Аннотация. В статье рассматриваются новообразования, используемые в тексте романа Е. Замятина «Мы». Цель работы – выявление типов новообразований и определение их функций в произведении. Устанавливается общее количество словообразовательных инноваций, делается вывод, что в тексте романа «Мы» в составе новообразований преобладают потенциальные слова, прежде всего сложные прилагательные и наречия. Методы исследования: с помощью словообразовательного анализа устанавливаются типы новообразований; на базе структурно-семантического и лингвостилистического анализа определяются и систематизируются функции неологизмов в тексте романа. Выделяются ведущие способы создания новообразований: сложение, сложно-суффиксальный способ, сращение, суффиксация. Отмечается ряд собственно окказионализмов, созданных Замятиным. Показано, что новообразования в тексте романа полифункциональны: они служат для создания образной характеристики персонажей и описываемых явлений и предметов, выступают в характерологической, компрессивной и собственно номинативной функциях (обозначают реалии Единого Государства), участвуют в развертывании сквозных мотивов произведения и во многом определяют его лейтмотивную структуру. Подчеркивается, что характер новообразований в романе «Мы» отражает особенности идиостиля Е. Замятина в целом и связан с обосновываемыми писателем эстетическими принципами неореализма (создание интегральных образов, передача зрительных впечатлений и др.).

Ключевые слова: Е. Замятин, идиостиль, новообразование, потенциальные слова, способ словообразования, окказионализмы, функция в тексте

Для цитирования: Николина Н. А. Типы и функции новообразований в романе Е. Замятина «Мы» (к 140-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 1. С. 41–47. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-41-47>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Types and functions of the neologisms in E. Zamyatin's novel "We" (to the 140th anniversary of the birth)

Natalia A. Nikolina

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, admin@riash.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

Abstract. The article examines the neologisms used in the text of E. Zamyatin's novel "We". The aim is to identify their types and determine their functions in the work. The research establishes the total number of word-formation innovations and concludes that potential words, primarily compound adjectives and adverbs, predominate in the inventory of neologisms in the text of the novel "We". Research methods: using word-formation analysis, the types of new formations are established. The functions of neoderivatives in the text are determined and systematised based on structural-semantic and linguostylistic analysis. The study identifies the primary methods of creating neologisms (compounding,

compounding-suffixation, blending, suffixation) and highlights several genuine occasionalisms created by Zamyatin. The research demonstrates that the neologisms in the novel are multifunctional. They serve to create figurative characterisations of the personae, as well as the depicted phenomena and objects. Moreover, these neologisms perform the characterological and compression functions in conjunction with the nominative function proper (denote the realities of the Unified State). They contribute to the development of the recurring motifs in the work and largely determine its leit-motif structure. The paper emphasises that the nature of the neologisms in the novel "We" reflects the characteristics of E. Zamyatin's individual style as a whole and is associated with the aesthetic principles of neorealism the writer substantiated (creation of integral images, conveyance of visual impressions, and others).

Keywords: E. Zamyatin, individual style, neologism, potential words, word formation method, occasionalisms, textual function

For citation: Nikolina N. A. Types and functions of the neologisms in E. Zamyatin's novel "We" (to the 140th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(1):41–47. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-1-41-47>.

Введение. Язык и стиль романа Е. Замятина неоднократно привлекал внимание отечественных и зарубежных исследователей. Рассматривалась образная система произведения, его концептосфера¹, анализировались средства создания художественного времени [Сидорова 2004], а также способы описания портрета, пейзажа и интерьера в романе [Дмитриевская 2012], выявлялась семантика имен-номеров², отмечались словообразовательные особенности текста. Так, В. П. Изотов выделил общий принцип развертывания новообразований, характерный в целом для стиля Е. Замятина — «гнездование производных», в том числе новообразований [Изотов 1994: 48]. Т. А. Сидорова отметила в тексте романа «Мы» повторяющиеся словообразовательные аффиксы: «Наиболее частотным в тексте является префикс *пред-*, системное значение которого — 'предварительность', 'предшествование'... Префикс *пред-* актуализирует 'отсутствие случайностей'» [Сидорова 2004: 71]. В то же время недостаточно изучены новообразования, встречающиеся в романе «Мы». В статье о нем в «Замятинской энциклопедии» отмечается большое

число индивидуально-авторских неологизмов, «художественная функция которых — обрисовать новый кошмарный мир» [Давыдова 2018: 343], при этом подчеркивается, что «излюбленной их формой» являются «сложные прилагательные» [Там же: 343]. Однако детального рассмотрения новообразований в «Замятинской энциклопедии» нет, отсутствует в ней и специальная статья, посвященная словотворчеству писателя.

Цель нашей статьи — выявление типов новообразований и описание их функций в тексте с учетом образной системы произведения. В процессе исследования используются структурно-семантический и лингвостилистический методы, а также словообразовательный анализ.

Анализ. В романе Е. Замятина «Мы» встречается, по нашим подсчетам, 133 новообразования. Они распределены в тексте неравномерно, что отражает эволюцию повествователя — Д-503. Как отмечал А. Свинджуд, это «первый в истории утопий рассказчик, который принадлежит утопическому миру, а не попадает туда из нашего мира» [Svingewood 1975: 167]. Количество новообразований возрастает по мере ведения повествователем дневника после встречи с J и обретения им души, они исчезают после вынужденной операции по удалению фантазии. Новообразования, обозначающие реалии нового общества с его жестокой регламентацией, постепенно дополняются в тексте дериватами, характеризующими эмоциональное состояние повествователя и его изменившееся мировосприятие. Одновременно в тексте дневника Д-503 растет число метафор и сравнений.

Новообразования в романе «Мы» непосредственно связаны с темой, образом

¹ См.: Гредель В. П. О концептосфере романа Е. И. Замятина «Мы» в свете первого Толкового словаря русского языка советской эпохи // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 1. С. 49–52.

² См.: Яблоков Е. А. Нумеронимика и нумерология в романе Е. Замятина «Мы» // Национальный и региональный «космо-психологос» в художественном мире писателей русского подполья (И. А. Бунин, Е. И. Замятин, М. М. Пришвин): научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы, документы. Елец, 2006. С. 304–311.

повествователя, концептосферой произведения, его сквозными мотивами и в то же время отражают особенности идиостиля Замятина в целом, прежде всего последовательное обращение писателя к словотворчеству и установку на создание «интегральных» образов.

Новообразования в романе «Мы» преимущественно представляют собой потенциальные слова, т. е. слова, «которые произведены, но еще не закреплены традицией словоупотребления или могут быть произведены по образцу слов высокопродуктивных словообразовательных типов» [Земская 1973: 218]. Выбор и активное использование именно потенциальных слов обосновывал и сам Е. Замятин, считавший, что «путь неологизмов — естественный путь развития и обогащения языка» [Замятин 2023: 81].

В то же время в тексте романа встречаются и отдельные окказионализмы, образование которых связано с нарушением деривационных закономерностей. Так, наречие *шестнадцатилетне* мотивируется относительным прилагательным, в то время как качественные наречия с формантом *-о/-е* являются синтаксическими дериватами качественных прилагательных. При этом в тексте романа слово *шестнадцатилетне* развивает сравнительное значение «как в шестнадцать лет»; ср.:

— Вам сколько лет?

— Тридцать два.

— А вы ровно вдвое — *шестнадцатилетне* наивны!³

Аналогично образованы наречия *ланцетно*, *молнийно*, *шарнирно*, реализующие сравнительно-уподобительное значение.

Неоднократно повторяется в тексте новообразование *просолнеченный* и его краткая форма: «Все Единое Государство пронизано солнечным светом (просолнеченные стены), но этот свет приручен... Свет солнца лишь усиливает несвободу нумеров» [Сидорова 2004: 75]. Новообразование *просолнеченный* создано в результате чересступенчатого словообразования с пропуском исходного мотивирующего слова и, следовательно, также может рассматриваться как окказионализм. С пропуском

звена в словообразовательной цепи образованы и слова *непредвычислимый*, *тэйлоризованный*. Однако в целом собственно окказионализмы представлены в романе «Мы» немногочисленными примерами.

Среди новообразований в романе «Мы» преобладают слова признаков частей речи — прилагательные и наречия, например:

Валькирийный, гневно-крылатый шлем — где-то далеко впереди;

Он посмотрел на меня, рассмеялся остро, *ланцетно*;

Мы долго смотрели друг другу в глаза — в эти шахты из поверхностного мира в другой, *заповерхностный*;

Мы по-прежнему мерно, *ассирийски* шли...

Менее объемную группу составляют существительные-новообразования; см., например, обращение к жителям других планет:

Вы, пышнотелые, *венеяне*, вы, закопченные, как кузнецы, *ураниты* — я слышу в своей синей тишине ваш ропот.

Многочисленными примерами представлены в тексте глаголы-новообразования:

— А-а, — промычал тот и *затумбовал* назад в свой кабинет;

И все ринулось... Как струя воды, стиснутая пожарной кишкой, *разбрызнулась* веером...;

Кубы из стеклянного льда — *свинцовеют*, набухают.

Доминирующими способами создания новообразований в тексте романа являются:

— сложение (*снобязнь*, *кубо-зал*, *нежно-грозный*, *машиноравны*, *звездно-солнечная* и многие другие);

— сложно-суффиксальный способ, в том числе с использованием нулевого суффикса (*детоводство*, *волосаторукий*, *негрогубый*, *каменнодомовые* (люди), *Единогласие*, *крылоухий*);

— сращение (*глупотолкущиеся* кучи пара, *двойкоизогнутая* фигура, *остроулыбающиеся* губы).

Высокую активность при создании новообразований проявляет также суффиксация (*озонный*, *исподлобный*, *антиподно*, *лбяный*, *секундно*, *свинцоветь* и др.).

В ряде случаев Замятин обращается к субстантивации, например:

³ Здесь и далее текст романа цит. по: Замятин Е. И. Мы. М.: АСТ, 2022. 224 с.

Но под этим тихим прохладным стеклом — неслось неслышно *буйное, багровое, лохматое*.

Отметим, что далеко не все новообразования, представленные в тексте романа, являются индивидуально-авторскими. Некоторые инновации встречаются у других авторов и могут рассматриваться как результат параллельного словотворчества. Так, прилагательное *сверкучий* впервые появляется в «Кубке метелей» (1907) Андрея Белого, затем в «Севере» (1918) Е. Замятина и, наконец, встречается в романе «Мы»:

Разгоревшаяся, вихревая, *сверкучая* — я никогда еще не видел ее такой...

Неодериваты в тексте романа «Мы» входят в словообразовательные пары или цепочки. При этом для их создания характерно «обнажение» направления мотивации, которая часто опирается на сравнение и носит метафорический характер. Показательна в этом плане образная характеристика доктора. Сначала он изображен как *тончайший человек, из бумаги*, затем в контексте появляются метафоры нос-лезвие, губы-ножницы:

Он весь как будто вырезан из бумаги. ...И как бы он ни повернулся — все равно у него только профиль, остро отточенный: сверкающее *лезвие* — нос, *ножницы* — губы.

На основе синтеза отмеченных образных характеристик в тексте романа в дальнейшем появляются сложные по структуре новообразования:

И следом за нами все: розово-золотой туман; солнце, *тончайше-лезвийный* профиль врача...;

С нею об руку — по плечо ей — двоякий S, и *тончайше-бумажный* доктор...;

Передо мной был мой *лезвиеносый*... доктор.

Совмещение разных характеристик делает образ «смелей, дерзче, выпуклей» [Замятин 2023: 33] и отражает авторскую установку на передачу зрительных впечатлений, которую Замятин считал одним из существенных признаков неореализма, сближающим его с импрессионизмом в живописи.

Варьирование однокоренных слов при создании новообразований характерно и для описаний других персонажей. Так, значимая для образа I-330 деталь — брови как острые рожки икса — служит основой для появления в тексте наречия *иксово*:

На прощание I — все так же *иксово* — усмехнулась мне.

Это наречие-новообразование, с одной стороны, соотносится с характеристикой внешности героини, с другой — актуализирует другие значимые семантические компоненты слова *икс*: «загадочность», «неизвестность».

В описаниях второго врача, упоминаемого в повествовании, концентрируются новообразования с корнем *тумб*:-

Двое: один — коротенький, *тумбоногий*...;

Тот, другой, услышал, *тумбоного* протопал из своего кабинета;

...*Затумбовал* назад в свой кабинет.

Концентрация однокоренных слов способствует созданию «преувеличенных, импрессионистских» (Е. Замятин) образов, которые приобретают в тексте лейтмотивный характер. «Повторение основных зрительных образов» Замятин считал важной особенностью новой прозы, оно, с его точки зрения, позволяет сделать так, «чтобы читатель все время видел действующих лиц» [Замятин 2023: 127].

Установка на импрессионистичную непосредственность зрительного восприятия сочетается в романе с устойчивостью образных характеристик. Так, в описаниях О последовательно используются единицы трех словообразовательных гнезд с вершинами «розовый», «синий» и «круг», в том числе новообразования, например:

Несколько секунд она... *синё* сияла мне в лицо;

—...Именно сегодня, сейчас... — робко под-

няла на меня О круглые, *сине-хрустальные* глаза;
— Да, чудесно. Весна, — *розово* улыбнулась мне О-90;

Она так *очаровательно-розово* слушала, и вдруг из синих глаз слеза...;

Я — брызнул фонтаном, О — розово, *кругло* смеялась;

О... ясно, *кругло* взглянула на меня...

Регулярно повторяющиеся единицы или их компоненты обогащаются дополнительными «приращениями смысла». Например, слова с компонентом *розов-* оказываются в тексте амбивалентными. С одной стороны, *розовый* отсылает к цвету талонов, которые получают нумера. Ср., например:

...Такая, я вам скажу, история! Меня она только так, *розово-талонно*, а вас...

С другой стороны, *розовый* — цвет лица и губ О (*розовый полумесяц рта*). *Розовый*, наконец, развивает в тексте символические смыслы: ‘любовь’, ‘женственность’, ‘материнство’. Характерно, что портрет О-90 «всегда полон цвета — синего и розового. О-90 лучится этими цветами, хотя, как и все, облачена в серую юнифу. Всегда сине-розовая на полотнах художников Возрождения Дева Мария. Синий цвет — цвет Богородицы в православной иконе» [Дмитриевская 2012: 76].

Повторяющиеся лексические единицы, прежде всего сложные прилагательные и наречия, образуют в тексте частные оппозиции. Так, описания О противопоставлены описаниям J: в первых, как уже отмечалось, доминируют единицы с основами *розов-*, *син’-*, *круг-*, во вторых — образования с корнями *остр-*, *упрям-* и *черн-*, например:

Были только *нежно-острые* стиснутые зубы...;

Направо от меня — она, тонкая, резкая, *упрямо-гибкая*, как хлыст...;

...Вся она — на *синем* полотне неба — резкая, *угольно-черная*, *угольный* силуэт на *синем*.

Сложные прилагательные и наречия, преобладающие в составе новообразований, разнообразны по семантике. Первый компонент в них часто выражает сравнение, называет цвет или усиливает признак второго компонента; ср:

Жабры вздулись *кирпично-красно*, потом опали, посерели;

Но разве вы... не стали *маятниково-точные*?;

Рядом с ней — чья-то *спело-желтая* лысина;

...Какой *отчаянно-холодный* пол...

Часть сложных прилагательных является оксюморонами, использование которых в целом характерно для идиостиля Е. Замятина, например:

Как все *величественно-банально* и до смешного просто;

И сейчас я сам — и какой-то *смертельно-сладостный* ужас...

Сложные прилагательные и наречия, наконец, как уже отмечалось, создают в тексте яркие зрительные образы, при этом троп строится так, чтобы придать «вещественность абстрактному и еще больше

подчеркнуть вещественность конкретного» [Кожевникова 1976: 58]:

В такой день забываешь о своих слабостях, неточностях, болезнях — и все *хрустально-неколемимые*, вечные...;

Просто отделенный штормами от всех *пластыре-целительных* улыбок, я могу спокойно писать вот эти самые страницы...

Как видим, сложные прилагательные и наречия регулярно выполняют в тексте романа функцию образной характеристики объектов, явлений, изображаемых лиц, пополняют состав тропов и обновляют его, интенсифицируют передаваемые признаки, отражая при этом точку зрения и эмоциональное состояние повествователя, способствуют, наряду с другими новообразованиями, разворачиванию образных полей и созданию лейтмотивов в структуре произведения.

Одновременно новообразования-сложения реализуют в тексте компрессивную функцию: они свертывают сочетания слов, чаще всего компаративную конструкцию. Например, в предложении *Где-то сзади мышино-грызущий тревожный шепот* метафорический эпитет заменяет сравнительный оборот *грызущий, как мыши*.

Кроме функции образной характеристики, новообразования выступают в тексте романа в собственно номинативной функции. Они обозначают реалии Единого Государства, в языке которого давно перешли в разряд историзмов такие слова, как *душа*, *жена*, *квартира*, *хлеб* и др. Новообразования рисуют новый мир, изображенный в антиутопии Замятина, и выделяют характерные для него явления: *аэро* (усечение слова *аэроплан*), *юнифа* (усечение слова *униформа* с фонетической модификацией), *нумератор* (суффиксальное образование от слова *нумер*), сложения *кубо-зал*, *фонолектор*, *радиошпиц*, *Детско-воспитательный* (завод).

Номинативная функция взаимодействует в тексте романа с характерологической. Производящей базой многих новообразований служат математические термины и числительные. Это, с одной стороны, мотивировано характером повествователя — ученого, создателя Интеграла, с другой стороны, отражает особенности изображаемого мира:

«Первое утопическое общество Единого Государства якобы основано на арифметических принципах, которые, по мнению его руководителей, служат основой научного материализма и рационального социального порядка. Город состоит из простых геометрических форм, таких как квадраты, круги, прямоугольники, и соответствующих им геометрических тел. Страсть государства к арифметической справедливости выражена в почти полной стандартизации всех аспектов жизни» [Кук 2022: 127]. Выбор именно таких основ в речи Д-503 выявляет «как его профессиональную подготовку, так и ценности, идеалы мира людей, стремящихся стать автоматами» [Rhodes 1976: 33]; ср., например:

Хрустальные хроматические ступени сходящихся и расходящихся бесконечных рядов — и суммирующие аккорды формул Тэйлора, Маклорена; *целотонные, квадратногрузные* ходы Пифагоровых штанов; грустные мелодии *затухающе-колебательного* движения; переменяющиеся *фраунгоферовыми* линиями пауз яркие такты — спектральный анализ планет... Какое величие! Какая незыблемая закономерность!

Особого внимания заслуживают сложные по структуре образования с компонентами *миллион-*, *един(о)-*. Их использование связано с разворачиванием в тексте романа мотивов подчинения индивидуальности общему, обезличивания, служащего основой жизни Единого Государства, утраты «я». Превратившиеся в номера жители Единого Государства изображаются и оцениваются как *миллионнорукое тело*, *миллионногий левиафан*, например:

Каждое утро, с шестиколесной точностью, в один и тот же час *единомиллионно* начинаем работу — *единомиллионно* кончаем;

И, сливаясь в единое, *миллионнорукое* тело, в одну и ту же... секунду, мы подносили ложки ко рту...;

Мы идем — одно *миллионноголовое* тело, и в каждом из нас — та смиренная радость, какою, вероятно, живут молекулы, атомы, фагоциты;

...Мы, единый, могучий *миллионноклеточный* организм...

Таким образом, новообразования выполняют в тексте романа еще одну важную функцию — функцию разворачивания и выделения сквозного мотива произведения. Местоимение *Мы* в тексте антиутопии в этом случае подвергается лексикализации

и выступает в значениях: 1) «жители нового государства»; 2) «нумера, утратившие индивидуальность и полностью подчиняющиеся Власти». По наблюдениям И. Ю. Граневой, «возможность нереперентного употребления *мы* активно эксплуатируется в художественной литературе... Примером этому является роман Замятина «Мы», где местоимение имеет значение «все жители Единого Государства, разделяющие господствующий в нем образ мышления и поведения, его нормы и принципы». При этом *мы* получает ярко выраженную положительную ценностную коннотацию, отсутствующую в общезыковой семантике этого местоимения» [Гранева 2008: 208]. Местоимение *мы* в результате субстантивизируется и в самой сильной позиции текста — его заглавии — выступает как субстантиват, обозначающий безликий коллектив нумеров, подчиняющихся власти Единого Государства.

В ряде контекстов романа субстантивации подвергается и местоимение *я*, образуя оппозицию с *мы*, например:

И вот — две чашки весов! На одной — грамм, на другой — тонна, на одной — «я», на другой — «мы», Единое Государство...;

«Мы» — от Бога, а «я» — от дьявола.

Субстантиват *я*, противопоставленный *мы*, развивает в тексте романа такие смыслы, как «ярко выраженная индивидуальность», «неповторимый внутренний мир», «право на свободу выражения своего мнения, чувств». Новообразования, представляющие особый взгляд на предмет или явления, отражают творческое начало личности и, таким образом, тоже противостоят механической стандартизации, обезличиванию и жесткой регламентации, а также новообразованиям, рисующим мир Единого Государства.

Выводы. Итак, в тексте романа Замятина «Мы» широко используются словообразовательные инновации разных типов. Доминируют в их составе сложные прилагательные и наречия. Многочисленные новообразования в тексте романа Е. Замятина «Мы» являются важным компонентом частной динамической системы языковых средств, выполняющих эстетическую функцию. Преобладающие в произведении потенциальные слова многофункциональны: они служат средством образной

характеристики персонажей и изображаемых явлений, выступают в номинативной функции, обозначая реалии Единого Государства, отражают особенности характера и мировосприятия повествователя, определяют лейтмотивную структуру текста и участвуют в построении его ключевых образных полей и развертывании сквозных мотивов произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гранева И. Ю. О референтном и нереперентном употреблении местоимения *мы* // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология и искусствоведение. 2008. № 4. С. 206–209.
2. Дмитриевская Л. Н. Образ мира и образ человека: пейзаж, портрет, интерьер в романе Е. Замятина «Мы». М.; Ярославль: Литера, 2012. 120 с.
3. Давыдова Т. Т. Замятинская энциклопедия. М.: Флинта, 2008. 744 с.
4. Замятин Е. И. Техника художественной прозы: лекции. М.: АСТ, 2023. 416 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык: словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
6. Изотов В. П. Индивидуальная словообразовательная система (на материале новообразований Е. Замятина) // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня: в 11 кн. Ч. 2. Тамбов: Изд. Тамбовского гос. ун-та, 1994. С. 46–52.
7. Кожеевникова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия: Литература и язык. 1976. Т. 35, № 1. С. 55–60.
8. Кук Б. Человеческая природа в литературной утопии «Мы» Замятина. Бостон; СПб.: Academic Studios Press, 2023. 407 с.
9. Сидорова Т. А. Культурно-исторические компоненты структуры художественного времени // Русский язык в школе. 2004. № 1. С. 71–77.
10. Rhodes C. Frederick Winslow Taylor's System of Scientific Management in Zamyatin's "We". *Journal of General Education*. 1976;28(1):31–42.

11. *Swingewood A.* The novel and Revolution. London; Basingstoke: Macmillan press, 1975. P. 142–168.

REFERENCES

1. Graneva I. Yu. On the referential and non-referential use of the pronoun *we*. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2008;4:206–209. (In Russ.)
2. Dmitrievskaya L. N. The image of the world and the image of man: Landscape, portrait, interior in the novel by E. Zamyatin "We". Moscow: Yaroslavl: Litera, 2012. 120 p. (In Russ.)
3. Davydova T. T. Zamyatin's encyclopedia. Moscow: Flinta, 2008. 744 p. (In Russ.)
4. Zamyatin E. I. Technique of fiction prose: lectures. Moscow: AST, 2023. 416 p. (In Russ.)
5. Zemskaya E. A. Modern Russian language: Word formation. Moscow: Education, 1973. 304 p. (In Russ.)
6. Izotov V. P. Individual word-formation system (on the material of E. Zamyatin's new formations). *Tvorcheskoe nasledie Evgeniya Zamyatina: Vzglyad iz segodnya: v 11 kn. Ch. 2. = Literary heritage of Evgeny Zamyatin: A view from today: in 11 b. Ch. 2*. Tambov: TSU Press, 1994. P. 46–52. (In Russ.)
7. Kozhevnikova N. A. From observations on non-classical ("ornamental") prose. *Izvestiya AN SSSR. Seriya: Literatura i yazyk*. 1976;35(1):55–60. (In Russ.)
8. Cooke B. Human nature in utopia Zamyatin's "We". Saint Petersburg: Academic Studies Press, 2022. 407 p. (In Russ.)
9. Sidorova T. A. Cultural and historical components of the artistic time structure. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2004;1:71–77. (In Russ.)
10. Rhodes C. Frederick Winslow Taylor's system of scientific management in Zamyatin's "We". *Journal of General Education*. 1976;28(1):31–42. (In Engl.)
11. *Swingewood A.* The novel and revolution. London; Basingstoke: Macmillan Press, 1975. 228 p. (In Engl.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталия Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор

Natalia A. Nikolina, Candidate of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 23.10.2023; принята к публикации 15.11.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 23.10.2023; accepted for publication 15.11.2023.